

DOI 10.15393/j9.art.2018.5143

УДК 821.161.1.09"18"

Елена Александровна Масолова*Новосибирский государственный технический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)*

masolova@list.ru

АНТРОПОНИМЫ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»

Аннотация. В данной статье рассмотрены антропонимы и способы называния персонажей в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и показано, что они и поэтонимы выполняют предуведомительную функцию. Воссоздавая простонародную жизнь, Толстой использует безымянное называние персонажей, указывая их возраст, семейный статус и описание одежды. Амбициозные безликие персонажи именуются по титулам или воинским званиям, которые часто заменяют их фамилии. В некоторых случаях в «Хаджи-Мурате» Толстой обращается к многомерному представлению персонажа, совмещая указание социального положения, краткие биографические сведения и портретное описание. Негативно относясь к Николаю I, Толстой не пишет про него «царь», а называет Николай или по имени-отчеству, когда тот является объектом поклонения или отдает приказ убивать людей. В «Хаджи-Мурате» Петр Михайлович Авдеев — толстовский праведник, чей трехчастный поэтоним несет мощный нравственно-религиозный потенциал. Толстой изменяет онимы ряду вошедших в повествование исторических лиц для имплицитного оправдания деяний этих персонажей; полемически заостренное несоответствие антропонима исторического лица тому имени, которое дал ему автор, отражает угасание в человеке нравственного и героического начала. В речи автора отсутствует слово «враг», слово «неприятель» лишено негативной коннотации; воюющие не названы по национальности; применяя ко всем персонажам единый эпический критерий оценки, Толстой ратует за прекращение бойни и за взаимопонимание.

Ключевые слова: антропоним, оним, патроним, поэтоним, семантика имени, прототип, безымянные персонажи, предуведомительная функция

Рассмотрение антропонимов в художественном тексте — важный аспект анализа поэтики произведения, выявляющий картину мира писателя. В художественном тексте автор-демиург дает персонажам поэтонимы исходя из собственных предпочтений¹. При выборе антропонимов, обусловленных развитием сюжета, писатель, воспроизводя ономастические

нормы, сохраняет художественную правдоподобность поведения, усиливает экспрессию имени собственного за счет его аллюзивности, которая, будучи порожденной социально-психологическими и культурно-историческими факторами, углубляет образный и концептуальный планы произведения. Семантика имени персонажа, носящего имя святого / легендарного героя / исторического деятеля, может в определенной степени выполнять предуведомительную (предсказывающую) функцию.

Антропоним — единичное имя собственное или набор идентифицирующих человека имен со всеми возможными вариантами. В художественном тексте функцию антропонимов могут выполнять местоимения, национальность, местожительство, социальное положение, семейный статус, чин мирянской святости действующих лиц и т. п. В отечественной художественной литературе использование автором тех или иных онимов (с различными эмоционально-экспрессивными суффиксами), патронимов, двухчастных поэтонимов (оним и патроним / оним и фамилия), трехчастных поэтонимов (оним, патроним и фамилия) отражает самооценку действующих лиц, их межличностные связи, имплицитно или эксплицитно выраженное отношение писателя к этим людям. Исторические лица / легендарные герои, описанные в художественном произведении, связаны со своими прототипами; способы их наименования обретают дополнительные смысловые оттенки. Соотнесение судьбы персонажа с жизнью его прототипа, выявление роли безымянных персонажей с их обобщенными характерами — необходимая часть анализа художественного целого. Вышесказанное свидетельствует об актуальности исследования художественной ономастики.

Анализируя антропонимы в творчестве Толстого, исследователи преимущественное внимание уделяют его романам. Б. М. Эйхенбаум считает фамилии действующих лиц в «Войне и мире» незначительными и неудачными, поскольку они лишены символизации и обобщения [Эйхенбаум: 58]. Е. Г. Ростова полагает, что в имени *Наташа Ростова*, которая в эпилоге представлена идеальной матерью, важна семантика онима в латинском языке (*natalis* — *рождающая, родная*); в имени

Николай Ростов сконденсированы представления о Николае Угоднике; антропоним *Андрей Болконский* указывает на мужественность князя Андрея [Ростова: 82]. С точки зрения Е. Ю. Полтавец, князь Андрей и Пьер соотнесены с Апостолами Андреем и Симоном-Петром [Полтавец: 29–34].

В «Анне Карениной» выбор Толстым поэтонимов семантически значим. Сергей Львович Толстой, услышав от отца, что фамилия *Каренин* произведена от древнегреческого *κάρηνον*, что значит «голова», назвал мужа Анны головным человеком, у которого рассудок преобладает над сердцем [Толстой: 569]. Согласно Б. М. Эйхенбауму, фамилия *Вронский* звучит как сознательная стилизация писателя, подчеркивающего связь героя с литературными персонажами 1830-х гг. [Эйхенбаум: 656]. По версии М. С. Альтмана, в «Анне Карениной» Толстой использует прием наименования ряда героев посредством перемены букв в именах их прототипов [Альтман: 10]. Говоря о семантическом сопряжении отчеств Константина *Дмитриевича* Левина и Анны *Аркадьевны* Карениной, Ж. Л. Суркова полагает, что патронимы этих персонажей содержат основу для становления идиллического плана романа Толстого [Суркова: 100]. По мнению Г. А. Ахметовой, семантика имени и отчества Анны указывает на ее изначальную духовность, на ее призвание быть счастливой и дарить счастье другим (*Анна* — др.-евр. *милость Божья, благодать*; *Аркадий* — с др.-греч. *житель Аркадии — счастливой страны*), которые она утратила вместе с именем [Ахметова: 87].

Рассматривая способы наименования в народных рассказах Толстого, А. М. Ранчин доказывает, что в «Хозяине и работнике» антропонимы семантизированы и наделены символической функцией [Ранчин: 46]. В рассказе «Франсуаза», считает Н. Н. Лаврова, оним заглавной героини при сочетании с существительным *сестра* придает ее антропониму концептуальное значение [Лаврова: 584–586]. В предпринятом ранее исследовании народных рассказов Толстого мы пришли к выводу, что выбор антропонимической формулы названия персонажей предопределен их отношением к Евангелию; антропонимы почти всегда выполняют предуведомительную функцию и вселяют надежду на благополучный финал произведений;

патроним имеет большее значение, чем оним; безымянные персонажи, чаще всего, отстоят от Бога [Масолова: 111–123].

В настоящей работе мы обращаемся к антропонимам в повести Толстого «Хаджи-Мурат». Т. Н. Куркина, также анализирувавшая художественную ономастику в «Хаджи-Мурате», отмечает, что в этой повести Толстой не употребляет слово *наши*; слово *русские* появляется лишь в прямой речи горцев или при пересказе автором их мыслей и чувств; в обращении к чеченцам и русским военным используются их звания [Куркина: 90–91]. Научная новизна нашей работы состоит в том, что мы рассматриваем способы наименования персонажей, в том числе исторических лиц, воссозданных в этой повести, выявляем семантику поэтонима толстовского праведника, указываем причины «изменения» антропонима персонажа, определяем функцию антропонимов. В таком ключе антропонимы в повести «Хаджи-Мурат» ранее не изучались.

В «Хаджи-Мурате» амбициозные военные, придворные, князья, графы, бароны превыше всего ценят свое положение на иерархической лестнице бюрократической государственной системы. При назывании таких персонажей автором сначала указываются их чин, должность, титул; почти все русские высокопоставленные лица лишены имени-отчества и названы по фамилии; предельно редко используются их имена-отчества, еще реже — трехчастные поэтонимы. Ряд исторических персонажей, в том числе отца и сына Воронцовых², автор сначала называет со всеми регалиями по трехчастному поэтониму:

«Дом этот занимал полковой командир Куринского полка, сын главнокомандующего, флигель-адъютант князь Семен Михайлович Воронцов»³;

«Воронцов, Михаил Семенович, воспитанный в Англии, сын русского посла, был среди русских высших чиновников человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношениях с высшими. Он не понимал жизни без власти и без покорности. Он имел все высшие чины и ордена и считался искусным военным, даже победителем Наполеона под Краоном» (35, 40).

В дальнейшем поэтонимы этих действующих лиц уступают место называнию по фамилии.

В «Хаджи-Мурате» указание воинского звания офицера часто заменяет его фамилию, персонажи обезличены чинами и выступают сугубо в социальном статусе: *ротные, ротный командир, пристав, адъютант, полковой адъютант, офицеры, барабанщик, начальник, подчиненный, генерал, милиционеры* и др. Добавление фамилии к титулу или воинскому званию позволяет читателю дифференцировать этих персонажей, которые по сути мало чем отличаются друг от друга, будучи пустыми и ничемными: князь *Воронцов*, княгиня *Воронцова* / княгиня *Марья Васильевна*, княгиня *Елизавета Ксаверьевна*, графиня *Шуазель*, *грузинская княгиня Манана Орбельяни*, барон *Ливен*, граф *Ржевусский*, министр двора *Волконский*, генерал *Аргутинский*, начальник левого фланга генерал *Козловский*, генерал *Клюгенау*, генерал *Пассек*, генерал-губернатор *Западного края Бибиков*, полковник *Золотухин*, подполковник князь *Тарханов* и др.

Требую чинопочитания и пиитетного отношения к себе, амбициозные особы порой ставят себя в нелепые ситуации. Когда Хаджи-Мурат, ссыпав деньги в рукав, неожиданно хлопнул статского советника по плечи и пошел из комнаты, тот «привскочил и велел переводчику сказать, что он не должен сметь этого делать, потому что он в чине полковника. То же подтвердил и пристав. Но Хаджи-Мурат кивнул головой в знак того, что он знает, и вышел» (35, 101).

Толстой обращается к многомерному представлению персонажа, совмещая указание его чина, должности с краткими биографическими сведениями, которые могут быть расширены портретной характеристикой, а также описанием одежды как маркера социального положения человека:

«Князь Бярятинский, друг наследника, бывший командир Кабардинского полка, теперь, как начальник всего левого фланга, тотчас по приезде своем в Грозную собрал отряд...» (35, 96);

«Тут был и вчерашний генерал с щетинистыми усами, в полной форме и орденах, приехавший откланяться; тут был и полковой командир, которому угрожали судом за злоупотребления по

продовольствованию полка; тут был армянин-богач, покровительствуемый доктором Андреевским, который держал на откупе водку и теперь хлопотал о возобновлении контракта; <...> тут был разорившийся грузинский князь в великолепном грузинском костюме, выхлопатывавший себе упраздненное церковное поместье...» (35, 45);

«На полянке, поодаль от дороги, сидели на барабанах: Полторацкий с своим субалтерн-офицером Тихоновым, два офицера 3-й роты и бывший кавалергард, разжалованный за дуэль, товарищ Полторацкого по Пажескому корпусу, барон Фрезе» (35, 25)⁴;

«Против них играли два офицера: один — широколицый, румяный, перешедший из гвардии, ротный командир Полторацкий, и очень прямо сидевший, с холодным выражением красивого лица, полковой адъютант» (35, 17).

Изображая кавказцев, автор также указывает их воинские звания (которых намного меньше, чем чинов и титулов у русских): *мюрид*, *нукер*, *имам*, *мюришид* (35, 16, 14 и 4 словоупотреблений соответственно) и почти всегда добавляет к воинскому званию персонажа его имя: *кумыцкий князь Арслан-Хан*, *аварец Ханефи*. При представлении чеченцев нет, как правило, ни кратких биографических сведений, ни психологических характеристик: война идет на территории горцев, для которых главное — отстаивать свободу своей страны, а не подчеркнуть перед другими свою «значимость» или «уникальность».

В «Хаджи-Мурате» дважды в портретных характеристиках персонажей подчеркнуто подобострастное желание подчиненных быть внешне похожими на Николая I: у флигель-адъютанта черные усики и височки зачесаны к глазам так же, как их зачесывал Николай Павлович; у князя Василия Долгорукого были такие же бакенбарды, усы и виски, как и у Николая.

В повествовании используются различные способы характеристики персонажей: 1) указывается мотивация поведения хана, который явился затем, чтобы рассказать дома, что был у князя; 2) дается краткая и одновременно емкая психологическая характеристика, не внушающая уважения к человеку: *бойкий офицер Петроковский* (35, 92), *сердитый генерал* (35, 34), *известный храбрец Богданович* (35, 106); 3) говорится об отсутствии ума и о «деловых» качествах знатных особ:

«Всем стало неловко, но неловкость положения исправил грузинский князь, очень глупый, но необыкновенно тонкий и искусный льстец и придворный» (35, 43).

В одном предложении автор совмещает разные способы называния персонажа: указание чина, портретное описание, краткие биографические сведения и психологическую характеристику:

«Четыре казака ехали за ним: Ферапонтов, длинный, худой, первый вор и добытчик, — тот самый, который продал порох Гамзале; Игнатов, отслуживающий срок, немолодой человек, здоровый мужик, хваставшийся своей силой; Мишкин, слабосильный малолеток, над которым все смеялись, и Петраков, молодой, белокурый, единственный сын у матери, всегда ласковый и веселый» (35, 111).

Майор Иван Матвеевич Петров 32 раза называется в повести по имени-отчеству, 4 раза — по фамилии, 2 раза — по званию и фамилии и 1 раз — по званию. Иван Матвеевич не соответствует занимаемой должности и выступает как частное лицо: он манкирует служебными обязанностями, пьянствует, картежничает, зубоскалит при виде отрубленной головы. Для молодого офицера Бутлера он — «ближайший начальник, майор Петров» (35, 78) и «пьяный и добродушный храбрец майор Петров» (35, 79). Хаджи-Мурат, указывая плетью на дом Ивана Матвеевича, называет его воинским начальником: «Это воинский начальник дом?» (35, 82).

Лишая генерала *Слепцова*⁵ названия по имени-отчеству, Толстой приводит высказывание офицеров, которые без страдания оживленно обсуждали неоправданное, с их точки зрения, молодечество лихого офицера, не видя в смерти величайшего таинства окончания жизни.

В XV главе, где действует Николай I, подобострастные придворные трижды называют его *императором* и 1 раз — *императором Николаем*. Автор ни разу не пишет про него «царь»: в Евангелии многократно утверждается, что царь должен ратовать за справедливость и делать все для построения Царства Божия на земле; поведение же Николая в высшей степени безнравственно, а его указы — преступны. Когда Николай

прилюдно ведет себя неподобающе сану — гневается, отправляет людей на смерть, — автор называет его по имени-отчеству (подобное именование обычно применяется к частному лицу):

«Увидав мундир училища, которое он не любил за вольнодумство, Николай Павлович нахмурился, но высокий рост и старательная вытяжка и отдавание чести с подчеркнуто-выпяченным локтем ученика смягчило его неудовольствие» (35, 68–69);

«Во исполнение этого предписания Николая Павловича тотчас же, в январе 1852 года, был предпринят набег в Чечню» (35, 75).

Автор 58 раз называет Николая по ониму, не скрывая своей брезливости к этому самовлюбленному, циничному, пустому человеку. Любовницы Николая предстают в повествовании без имени-отчества, с акцентированием наивного или чувственного начала в их портретной характеристике:

«Он то вспоминал испуганное и восторженное выражение белого лица этой девицы, то могучие, полные плечи своей всегдашней любовницы Нелидовой и делал сравнение между тою и другою» (35, 68).

Проведя несколько минут после обедни в семейном кругу, пошутив с императрицей и детьми, Николай поручил министру двора выдавать ежегодную пенсию матери своей очередной фаворитки. Воспоминание Николая о соvrращенной девице вперемешку с безымянным упоминанием членов его семьи в очередной раз выявляет аморальность этого человека. В повести Николай, с пренебрежением относящийся к Елене Павловне, не называет ее великой княгиней.

При описании аула и русской деревни, где жизнь идет по своим извечным законам, Толстой использует тот способ наименования, который был разработан им в народных рассказах: название простонародных персонажей по 1) возрасту, семейному статусу: *отец (старик отец, старик), муж, жена, мальчик, мать (старуха), сын, меньшой сын, старший сын, брат, жена брата, дочь старшего брата, девка-невеста (девка), мужики, бабы, молодые, внук, сноха, крестный, сирота*; 2) описанию одежды: *совсем молодая девочка в красных шароварах и зеленом беешмете, старик в ночной шапке*; 3) социальному положению:

солдатка. Применительно к простонародным безымянным русским персонажам Толстой порой указывает их профессию: *приказчик, дворник, дьяк, писарь, выборный*.

Обратимся к описанию Петра Михайловича Авдеева — солдата, погибшего от пулевого ранения в начале повести «Хаджи-Мурат». Он был спокойным веселым человеком, всегда готовым помочь людям, ни о ком не отзывался плохо, называл «гололобых» «хорошими ребятами», беседовал с ними об их семьях и детях. Переиначивая бытовавшее среди русских войск на Кавказе выражение: «Рота — большой человек», Авдеев говорит: «Известное дело, мир — большой человек» (35, 13), и его высказывание обретает бытийный смысл. Бездетный Авдеев пошел в армию вместо брата, у которого было пятеро детей, а потом пожалел о таком самопожертвовании. Смертельно раненный, он молча сносил боль; перед смертью Авдеев раскаялся в том, что завидовал брату, и умер как христианин: простился со всеми и попросил вложить в его руки свечу. Поэтоним *Петр Михайлович Авдеев* несет мощный нравственно-религиозный потенциал: имя *Петр* в переводе с древнегреческого — *скала, камень*; имя *Михаил*, от которого образован патроним персонажа, означает *подобный Богу, равный Богу* (др.-евр.); фамилия персонажа образована от патронима *Авдей* (или *Авдий*) — одного из двенадцати Ветхозаветных пророков, чье имя переводится как *слуга Бога* (др.-евр.). Ряд исследователей видят в Авдееве преемника идей Платона Каратаева (см.: [Мышковская: 251], [Келдыш: 254–255]).

В произведениях Толстого «изменение» имени персонажа происходит после того, как окружающие начинают иначе относиться к нему. Когда Иван Матвеевич осознал преданность и душевную красоту своей сожительницы, он и все офицеры стали обращаться к ней по имени-отчеству:

«Майор жил супружески с дочерью фельдшера, сначала Машкой, а потом Марьей Дмитриевной» (35, 79).

Бутлер, влюбленный в Марию Дмитриевну, мысленно называл ее Машей. Хаджи-Мурату Марья Дмитриевна понравилась своей простотой, красотой и естественностью поведения, и он

при прощании назвал ее «матушкой», что в устах горца звучало высшей похвалой русской женщине.

Толстой, создавая художественный образ легендарного героя, вносит определенные коррективы в биографию Хаджи-Мурата. Автор рассказывает одну давнишнюю кавказскую историю, «часть которой он видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе» (35, 6). Неизвестно, кто обезглавил Хаджи-Мурата. В повести Толстого это совершает *Гаджи-Ага*, чье имя переводится как *паломник самый главный* (азерб., турец.). То, что персонаж с таким ко многому обязывающему онимом оказывается циничным убийцей, вновь свидетельствует о всеобщем безумии людей, истребляющих друг друга и глумящихся над мертвыми.

Используя характеризующую и предуведомительную функции антропонимов, Толстой изменяет имена некоторых членов семьи главного героя. У Хаджи-Мурата, исторического лица, мать звали *Залму*⁶, первую жену — *Дарижа*⁷, которая родила сына *Гуллу*⁸; от второй жены, *Сань*⁹, родился сын, названный в честь отца. В повести Толстой дает матери Хаджи-Мурата имя *Патимат*, что в переводе с арабского означает *светлоликая*; вариант этого имени — *Фатима* (так звали дочь пророка Мухаммеда). Называя мать заглавного героя очень значимым для мусульман именем, сопоставимым для христиан с именем Девы Марии, Толстой имплицитно оправдывал ее поведение, в том числе ненависть к Шамилю, который принес много горя Хаджи-Мурату и его семье. Патимат — идеальная мать, которая, невзирая на угрозу собственной гибели, спасла грудного ребенка и, омыв его горячей кровью из своей раны, научила не бояться смерти.

В повести Толстого одну из жен Хаджи-Мурата зовут *Софиат* (*Софиат* — араб. *чистая, непорочная, ясная, избранная*). Она не вызывала у мужа ревности или недовольства. Имя сына Хаджи-Мурата в повести — *Юсуф* (*Юсуф* — араб. *дополнительно возвышенный Аллахом*)¹⁰. Отец любовался красотой сына, гордился его молодечеством и поручил Юсуфу беречь мать и бабушку. Сын не оправдал надежд своего отца: не разделяя ненависти Хаджи-Мурата к Шамилю, Юсуф поцеловал руку его врага; когда Шамиль сказал Юсуфу, что убьет юношу или выколует ему глаза, тот

в отчаянии хотел закончить жизнь самоубийством. Давая сыну Хаджи-Мурата имя исламского пророка Юсуфа, Толстой показал угасание в человеке героического порыва, готовность пойти на предательство своего отца.

Автор называет имена двух жен Шамиля¹¹: остроносой, черной, неприятной лицом старшей жены — *Зайдет* и любимой — *Аминет* (вариант онима *Аминат*). Чтобы показать одиночество и неприкаянность Шамиля, Толстой: 1) рисует его старшую жену в невыгодном свете и дает ей оним, не «оправдавший» себя (*Зайдет*, имя которой образовано от арабского слова *заида* — *возрастающая, приносящая увеличение*, была нелюбимой женой Шамиля и раздражала его); 2) сохраняет реальное имя младшей капризной жены имама, чье легкомысленное поведение, вызывавшее озлобление Шамиля, не соответствует семантике данного ей онима; 3) не пишет о том, что у Шамиля были сыновья¹².

Автор предъявляет к людям единый критерий оценки и выявляет в человеке то, насколько тот порядочен, честен, добр, бесхитростен, способен ли сострадать и нести персональную ответственность за свои поступки, умеет ли видеть красоту окружающего мира. Как и у Гомера, у Толстого нет деления персонажей на *свой* и *чужой*. В повествовании о военном конфликте на Кавказе 5 раз встречаются слова с корнем *неприятел-*, из них в трех случаях эти слова употреблены в речи автора для определения месторасположения и не содержат негативной коннотации:

«Несколько грузно-громких выстрелов солдатских ружей ответили на неприятельский выстрел» (35, 26);

«...план медленного движения в область неприятеля посредством вырубki лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова» (35, 71);

«Как всегда, отряд двигался по неприятельской земле, соблюдая возможную тишину» (35, 76).

В «Хаджи-Мурате» антропонимами выступают притяжательные местоимения, называние по национальности, слова *люди* и *человек*. Местоимения *наш / наша / наши* встречаются только в речи действующих лиц: 5 раз — в письме Воронцова,

3 раза — в горской песне, 1 раз — в рассказе Хаджи-Мурата о своей семье. 80 раз в речах чеченцев звучит слово *русские*. В «Провозглашении к горскому народу», подписанном Шамилем, вместо слова *русские* употреблено слово *неверные*: Шамиль, яростный враг русских, противопоставляет свой и другой народы по вероисповеданию и призывает к национальной вражде. Толстой никогда не называет людей, сражающихся против горцев, по национальности — русские, считая, что воюют не люди разных национальностей, а те, кого правительство втянуло в бойню. Поскольку война идет на Кавказе, автор указывает национальность местных жителей: *чеченцы* (20 словоупотреблений) и *горцы* (29 словоупотреблений). В «Хаджи-Мурате» слово *враг* встречается 21 раз в речах русских и чеченцев и не используется в речи автора. Как совершенно верно замечает Т. Н. Куркина, в повести «в роковой момент гибели героя врагом для него является не человек определенной национальности, будь то русский или горец, а человек с ружьем, пистолетом и кинжалом, направленным на него. Вот кто подлинный враг, по мысли Толстого, и не только для его героя, но и для человека любой национальности, и для целых народов, и для современной “разумной” цивилизации в целом. <...> повествователь порой нарочито забывает о существовании и воинских званий, и национальностей, и даже фамилий, зато использует обращение “люди” и “человек”» [Куркина: 92].

Таким образом, антропонимические формулы называния персонажей в «Хаджи-Мурате», будучи, на первый взгляд, нейтральными, выполняют характеризующую и предуведомительную функцию. При назывании высокопоставленных чиновников и офицеров акцент ставится на указание их титулов и регалий. Толстой наделяет некоторых членов семьи Хаджи-Мурата и Шамиля другими онимами, которые либо возвеличивают человека, либо не соответствуют характеру этого персонажа и дискредитируют его. Безымянные простонародные персонажи во многом воплощают представление автора о должной жизни, изолированной от преступного социума. В «Хаджи-Мурате» Толстой применяет ко всем персонажам единый эпический критерий оценки и ратует за прекращение бойни и за взаимопонимание.

Примечания

- ¹ В России имя младенцу давали по святым в честь святого; в исламской системе имяназвания выбор имени ребенка предоставлялся родителям или его родственникам с учетом соблюдения ряда запретов (в частности, нельзя брать ни одного из имен Аллаха, а также имени Ангелов).
- ² Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1815), генерал-фельдмаршал (1856); в 1844–1854 гг. — наместник на Кавказе. Воронцов Семен Михайлович (1823–1882) — генерал-адъютант (1856), участник Кавказской и Крымской войн.
- ³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИЗ «Худож. лит.», 1956. Т. 35. С. 16. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Прототип Фрезе — Розен Григорий Владимирович (1781–1841), барон, офицер Кавалергардского полка, разжалованный за дуэль в рядовые Куринского полка. См.: (35, 700).
- ⁵ Слепцов Николай Павлович (1815–1851) — генерал-майор, участник кавказских войн, погиб от пулевого ранения 10 декабря 1851 г., когда бросился впереди предводимой им колонны из двухсот казаков на неприятеля. Современники Слепцова ценили его за безоглядную отвагу, умение очаровывать, привязывать к себе, возбуждать фанатическую преданность. Будучи глубоко религиозным человеком, Слепцов умер с верой в жизнь вечную. См. об этом: [Савельев: 280–287], [Новоселов: 2–32].
- ⁶ *Залму — невредимая, здоровая, целая* (араб.).
- ⁷ *Дарижа — жемчужина* (груз.).
- ⁸ *Гулла — пуля, снаряд* (дагест.).
- ⁹ *Сана — великолепие, блеск* (араб.).
- ¹⁰ У Хаджи-Мурата (1816–1852) не было сына Юсуфа.
- ¹¹ Шамиль (1797–1871) имел 5 жен. Первая жена Шамиля, Патимат, родила 5 детей; была убита по приказу главнокомандующего российских войск графа М. С. Воронцова. Вторая жена, Джавгарт, погибла в 1839 г. Третья жена, Загидат (чье имя с арабского переводится как *аскет, сподвижница*), знала наизусть Коран, умела вести умные беседы, стала старшей женой, решала все бытовые дела семьи, родила 2 дочерей. Четвертая жена Шамиля — любимая, Шуайнат (Анна Улуханова), родила 7 детей, из которых никто не выжил. Последняя жена Шамиля — Аминат (значение этого имени — араб. *находящаяся в безопасности, верная*) — мечтала стать любимицей мужа, но конфликтовала с Загидат, поэтому Шамиль скоро расстался с ней.
- ¹² У Шамиля, исторического лица, было пять сыновей: Джамалуддин (1829–1858), Гази-Мухаммад (1833–1902), Саид (1839), Мухаммад-Шапи (1840–1906) и Мухаммад-Камил (1863–1951).

Список литературы

1. Альтман М. С. Читая Толстого. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. — 168 с.
2. Ахметова А. Г. Мифологический лейтмотив в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // Фольклор народов России. — Уфа, 2006. — С. 83–94.
3. Келдыш В. А. Преобразование эпики («Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого) // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. — М., 2009. — С. 245–280.
4. Куркина Т. Н. Историософия Льва Толстого. — Воронеж: Наука-Юни-пресс, 2011. — 147 с.
5. Лаврова Н. Н. Антропонимы в рассказе «Франсуаза» и в пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 584–586.
6. Масолова Е. А. Антропонимы и евангельский текст в рассказах Л. Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск, 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 109–126 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506099039.pdf (25.04.2018)
7. Мышковская Л. М. Мастерство Л. Н. Толстого. — М.: Сов. писатель, 1958. — 436 с.
8. Новоселов С. Генерал-майор Николай Павлович Слепцов: Жизнеописание. — СПб.: Тип. Якова Грея, 1858. — 33 с.
9. Полтавец Е. Ю. Мифопоэтика «Войны и мира» Л. Н. Толстого. — М.: Ленанд, 2015. — 224 с.
10. Ранчин А. М. Перекличка Камен: Филологические этюды. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 656 с.
11. Ростова Е. Г. Символика имен собственных в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русский язык за рубежом. — 2012. — № 5. — С. 79–83.
12. Савельев А. Е. Забытый герой Кавказской войны // Теория и практика общественного развития. — Краснодар, 2010. — № 1. — С. 280–287.
13. Суркова Ж. Л. Идиллические мотивы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение. — Иваново, 2003. — С. 99–105.
14. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Л. Н. Толстой. П. — М.: АН СССР, 1939. — С. 566–590. (Литературное наследство; Т. 37/38)
15. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 952 с.

Дата поступления в редакцию: 07.05.2018

Дата публикации: 29.06.2018

Elena A. Masolova

*Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russian Federation)*

masolova@list.ru

ANTHROPONYMS IN L. N. TOLSTOY'S POVEST' "HADJI-MURAD"

Abstract. This article considers the anthroponyms and the ways of naming characters in Tolstoy's povest' "Hadji Murad" and proved that onyms, patronymics and poetonyms fulfil an anticipative or foreshadowing function. Describing simple life of people in "Hadji Murad", Tolstoy resorts to the generic naming of people by their age, family status and description of clothing. Mentioning the ambitious and faceless high-ranking people the author uses their titles or a military rank that often replace their surnames. Sometimes Tolstoy refers to the multidimensional representation of the characters and combines the indication of their social status, brief biographical information and portrait description. Showing his disfavour to Nikolas I, Tolstoy does not use the title "tsar" while describing him but refers to him by his name Nikolas or his name and patronymic when the latter becomes an object of worship or gives an order to kill people. In "Hadji Murad" Pyotr Mikhailovich Avdeev is a righteous man by Tolstoy. His three-part poetonym bears a powerful moral and religious implication. Tolstoy modifies some of the onyms of certain historical figures mentioned in the story in order to implicitly justify the deeds of these characters. The polemically emphasized discrepancy of the historical person's onym with that one given to him by the author reflects the extinction of moral and heroic essence in this person. The author does not use the word "enemy", he deprives the word "antagonist" of its negative connotation and does not mention the nationality of the belligerents; Tolstoy applies the only epic criterion of estimation to all characters and stands for the cessation of the slaughter and for mutual understanding.

Keywords: anthroponym, onym, patronymic, poetonym, name semantics, prototype, generic characters, prospective function

References

1. Al'tman M. S. *Chitaya Tolstogo [Reading Tolstoy]*. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1966. 168 p. (In Russ.)
2. Akhmetova A. G. A Mythological Keynote in Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina". In: *Fol'klor narodov Rossii [Folklore of the Peoples of Russia]*. Ufa, 2006, pp. 83–94. (In Russ.)
3. Keldysh V. A. Transformation of the Epic ("Hadji Murad" by Leo Tolstoy). In: *Poetika russkoy literatury kontsa XIX — nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza [Poetics of Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Century. Dynamics of the Genre. Common Problems. Prose]*. Moscow, 2009, pp. 245–280 (In Russ.)

4. Kurkina T. N. *Istoriosofiya L'va Tolstogo* [*The Historiosophy of Leo Tolstoy*]. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2011. 147 p. (In Russ.)
5. Lavrova N. N. Anthroponyms in the Story "Françoise" and in the Play "The Living Corpse". In: *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*]. Nizhny Novgorod, 2010, no. 4 (2), pp. 584–586. (In Russ.)
6. Masolova E. A. Anthroponyms and Evangelical Text in Tolstoy's Stories "What Men Live by", "Where Love Is, There God Is also", "How Much Land Does a Man Need?". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 109–126. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506099039.pdf (accessed on April 25, 2018). (In Russ.)
7. Myshkovskaya L. M. *Masterstvo L. N. Tolstogo* [*Tolstoy's Mastery*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1958. 436 p. (In Russ.)
8. Novoselov S. *General-mayor Nikolay Pavlovich Sleptsov: Zhiznneopisanie* [*Major-General Nikolai Pavlovich Sleptsov: Biography*]. St. Petersburg, Tipografiya Yakova Greya Publ., 1858. 33 p. (In Russ.)
9. Poltavets E. Yu. *Mifopoetika «Voyny i mira» L. N. Tolstogo* [*Mythopoethics of "War and Peace" by L. N. Tolstoy*]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 224 p. (In Russ.)
10. Ranchin A. M. *Pereklichka Kamen: Filologicheskie etyudy* [*The Dialogue of Camenae: Philological Essays*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 656 p. (In Russ.)
11. Rostova E. G. Symbolism of Proper Names in Leo Tolstoy's Novel "War and Peace". In: *Russkiy yazyk za rubezhom* [*The Russian Language Abroad*]. Moscow, 2012, no. 5, pp. 79–83. (In Russ.)
12. Savel'ev A. E. The Forgotten Hero of the Caucasian War. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [*Theory and Practice of Social Development*]. Krasnodar, 2010, no. 1, pp. 280–287. (In Russ.)
13. Surkova Zh. L. Idyllic Motifs in Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina". In: *Inostrannye yazyki: teoriya i praktika. Literaturovedenie* [*Foreign Languages: Theory and Practice. Literary Criticism*]. Ivanovo, 2003, pp. 99–105. (In Russ.)
14. Tolstoy S. L. On the Reflection of Life in "Anna Karenina". In: *L. N. Tolstoy. II*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1939, pp. 566–590. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 37/38). (In Russ.)
15. Eyhenbaum B. M. *Lev Tolstoy: issledovaniya. Stat'i* [*Leo Tolstoy: Researches. Articles*]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009. 952 p. (In Russ.)

Received: May 07, 2018

Date of publication: June 29, 2018